

Энжела Полянски

Апофеоз

Энжела Полянски

Апофеоз

Самиздат

2020

УДК 346-7
ББК 137 (Арма)
М 24

Составитель, автор комментария Симха Ковальская Оформление О. Альголец, К Криенко;
Иллюстрации художников: Владимира Волегова; Джона Фредерика Льюиса; Себастьяно Конча; Ангелики Кауфман; Рене Антуана Уасса; Константина Разумова; Галлы-Фаттах; Лауры Дрейфус Барни; Йожефа Борсоса; Василия Пукирева; Якоба Йорданса; Сандро Боттичелли.

Энжела Полянски

М 24 Апофеоз: Стихотворения/ Энжела Полянски; [Составитель, автор комментария Симха Ковальская]. – М.: Арма 2020. Тель – Авив. Самиздат.

Энжела Полянски широко известная читателям израильский поэт, прозаик, публицист. Возможно, единственная из русскоязычных литераторов, избежавшая ассимиляции в многочисленном разнообразии восточных культур, и пишущая в кумулятивно-собирательном образтрадиционном русском жанре. Произведения автора отличаются незаурядная для современной поэзии целостность, самовыразительная глубина слога и мелодичность. Некоторые из сочинений Энжелы Полянски легли в основу спектаклей, классических русских романсов и песен.

Российский союз писателей не раз оценивал заслуги поэта.

Энжела Полянски является номинантом национальных литературных премий «Поэт года» 2015 – 16 гг. и «Писатель года» 2016 г. Номинант литературной премии «Наследие» 2016 г. Произведения поэта включены в Антологию русской поэзии за 2018 - 19 гг. Удостоена Пушкинской медалью за вклад в развитие русской литературы. Кавалер медали Антона Павловича Чехова.

УДК 346-7
ББК 137 (Арма)
М 24

ISBN 776-2-581-19163-6

Тель – Авив

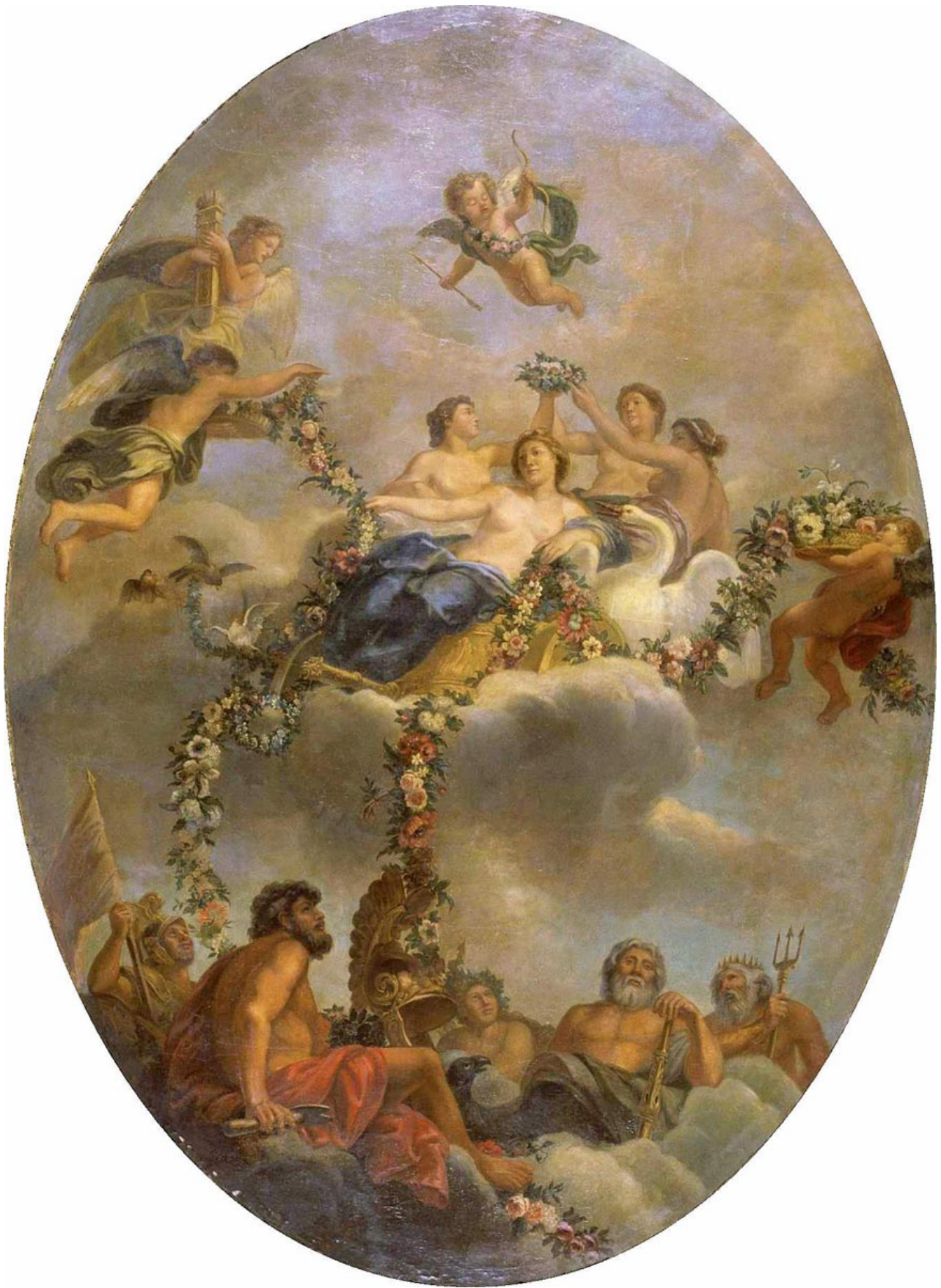
Самиздат

2020

Содержание

Абсент.....	1
Под вечной сенью сладких снов.....	2
Карнавал.....	3
Наполните кубки друзья.....	4
Ночь глядит туманная.....	5
Спустился над градом вороньим крылом.....	6
К месяцу.....	7
Хочу быть любимой.....	9
Как глупо Ты думаешь я как другие.....	10
Пьеро.....	11
Шапито.....	12
Меланхолия.....	13
Долгих скучных вечеров.....	14
А я так долго и давно.....	16
Воет ветер свечи тлеют.....	17
Кинжалом острым сосуд пронзите.....	19
Изабелла.....	19
Порой когда я Вас случайно.....	20
Нежный шелк декольте.....	21
Краски переживания.....	22
Полет Валькирий.....	23
Элегия Музам.....	24
Тайная встреча.....	26
Блудница.....	27
Жрица.....	28
Мой Демон.....	29
Нежные руки будто бабочки крылья.....	30
Опаленная сельвой.....	31
Горгона.....	32
Сирин.....	33
Всадник.....	34
За стенами старого замка.....	35
Седьмая руна.....	36
Вещунья.....	37
К.....	38
За печкою поет сверчок.....	39
Пусть ты мне во всем отказал.....	40
Из цикла Осмысление жизни Я люблю тебя.....	41
Из цикла Осмысление жизни Все приходит и уходит.....	42
Слово.....	44
Не терзай меня не надо.....	45
Ты еще не забыл.....	46
Ни любовь теперь ни дружба.....	47
Будто птицы в осоках стонущие.....	48
Из глазниц вечерних окон.....	49
Он слишком нежен и застенчив.....	50
Мой Морфей сладкоголосый.....	52
Янтарным блеском горит еще заря.....	54
Уходящего лета осколок.....	55

А я закрыв глаза на миг.....	55
Вот и осень покинула сени.....	56
Чужой Париж и суета.....	57
Настанет срок.....	58
Ни звука белая пустыня.....	59
Ты испил меня до дна.....	60
Тебя тайком я не ревную.....	60
В небе веет ветер теплый.....	61
Помнишь.....	61
Упоительна ночь.....	63
Не отрекись.....	64
Сады и парки опустели.....	64
Любовь.....	65
Менуэт печали.....	66
Люблю твое безмолвье.....	66
Вкус измены.....	67
Скорбь.....	68
Розы зла.....	69
Блеф.....	70
Медуза Горгона.....	72
Аллегория.....	74
Аллегорическая присказка.....	75
К Дьяволу.....	76
Антихрист.....	77
Когда мороз и непогода.....	78
tristitiam anima.....	79
В царстве сна в покое вечном.....	80
Серо пасмурно и птицы.....	81
Белая голубка.....	82
Воспоминание.....	83
Ночное трио.....	85
Лютня.....	86
Священник.....	87
О Инок.....	89
Инок.....	90
Рябина гроздьями склонилась Романс.....	91
Впечатления Где Ула роится мирно.....	92
Впечатления Башня на скале.....	93
Впечатления Долите.....	94
В бессоннице опять Луна томиться.....	95
Пан.....	96
Рождение Венеры.....	98
Все страдания мои были напрасны.....	99
Из цикла Гавайская страсть Гавайский мачо.....	100
Всё по ветру развеялось Разметалось осеннее.....	101

Абсент

Снова дивная фея,
Завладела Психеей моей,
Вновь всю ночь – напролет – до рассвета,
Пленила взглядом зелёных очей.
О! Она всплыла из бокала,
Томительной, ночной тишины,
Присела тихонечко рядом,
Вопрошая: - «Вы смущены? »
Коснулась кудрей лукаво,
Тонким пальцем обвела уста,
Скользнула к груди... Ах, право!
Нужны ли здесь более слова?!

И сердце мое защемило,
Нестерпима одиночества боль,
Быть на земле поэтом -
Проклятье! Коварная роль!
Но фея не унимаясь,
Запечатлела на губах поцелуй,
Я возможно пьяна до дури,
Боже правый! Смотри и ликуй!
Дурманом краткое счастье,
Разлилось по стрункам души;
Парадокс, или здравый смысл?
Покидать меня не спеши!

Позволь мне еще погрезить,
Забить о бремени жизненных мук,
Утонут в безмолвном смирении,
Твоих нежных, ласковых рук.
Однако на дне бокала,
Чернеет лишь карамель,
Свидание – скоротечная встреча;
И осадок... Полынный хмель.
Лекарство от одиночества,
И к исповеди краткий путь -
Абсент! – Его Высочество!
Изумрудно – прозрачный сосуд!

Под вечной сенью сладких снов

Под вечной сенью сладких снов,
Блеск красоты не тронут тени,
И покрывало из цветов,
Блаженно скрасит сновиденья.

Печаль, и горькая утрата,
У синих вод овеет думы;
Тяжелый вздох пронзит копьем,
В душе умолкнут скорбно струны.

И кипарис смущенный плачем,
Угрюмо сникнет над могилой,
К несчастью страшная тоска,
Вернуть ничто уже не в силах.

О, Смерть глуха! Не слышит нас!
О, что ей наши потрясенья!
Неумолимый труд Её,
Увы, далек от завершенья.

Карнавал

Зачем ты в час ночной тиши,
Мой сон блестящий возмущаешь,
Зачем дух злой над головой,
Мечты мои вкушаешь?

Манишь и тянешь за собой,
Сквозь бездну черной ночи,
И вдвинув в душу грусть и страх,
Взираешь злобно в очи?

Зачем ты дух меня призвал,
Из хижины уютной,
На пышный, шумный карнавал,
Тщеславный и приبلудный?

Я не отдам своих надежд,
И образ сердцу милый,
И все чем в мире дорожу,
За хладный пир могильный.

О, не кляни мой дом родной,
Отцов моих и братьев;
Я духом верная Ему,
Уйми свои заклатья!

Хоть и нага перед тобой,
И дрогну, словно в стужу,
Но, ни за что, нет, не продам,
Я черту, свою душу!

Наполните кубки друзья

Благоухающим словно розы вином,
Наполните кубки, друзья!
Пусть полночь звучит и луна,
Освещает наш пир допьяна.
Свечи лакеи гасите,
Факиры - Потешьте огнем!
Зовите! Скорее зовите!
Табор цыганский...
Споем!

Да так, чтобы душу задело,
В исступлении чарующих песен,
Чтобы струны гитары проникли,
В глубину истомленного сердца.

Велите чернооким богиням -
Петь! - И про страсть, и любовь,
Обо всем, что в миру нас волнует,
Что сжигает неистово кровь.
О, аккорды волшебные вдоволь,
Растревожьте знойный шепот в груди,
Пусть то, что сгорело бесплодно,
Возродиться к новой любви.
Пусть из праха восстанут стихами,
Позабывшие в горе слова,
И безропотно юной цыганке
Лобзайте!
Лобзайте уста!

Ночь глядит туманная

Ночь глядит туманная,
В тоскливой тишине,
Вновь пришла бессонница,
И не спится мне.

Вновь сквозь годы в памяти,
Былое предстает,
Яростным пожарищем,
Сердце люто жжет.

Больно в грудь ударило,
Неведомой рукой,
Думала, представилась,
Обрела покой.

Но душа живехонька,
Не ноет, не болит,
А в яростном пожарище,
Проклятая горит.

Спустился над градом вороньим крылом

Спустился над градом вороньим крылом,
Ни то темный вечер, ни то смутный сон,
Да через чернь, крадясь словно волк,
Задержнул собою небесный альков.
И в тоже мгновенье, в каждом плебей,
Проснулось безумное неистовство зверя.

Вдруг, смолкли часы, на башне в округе,
Казалось застыло время в испуге.
Уже пробудившись от тяжелой дремоты,
Черною тучей, из врат преисподней,
Демонов стая, врываясь в дома,
Разврат разжигает... Ликуй Сатана!

Двери вертепов, будто ветром могучим,
Настежь раскрылись для знати дремучей,
В переулочках сальных, свиваясь в клубы,
Кишат пуще змей, Эрота рабы.
Улей живой волнуясь, гудит,
Тайная жизнь, в городище бурлит.

Тс- с! А вот из поварни, где-то, далекой,
Слышится утвари звон одинокий;
В пристанище гнусном, игроки и воры,
Куртизанки и моты, как ошалевшие псы,
За ремесло свое дружно взялись,
Что нажито за день, ни стоит свечи.

Время за полночь возможно ушло,
Многим покинуть сей мир суждено.
Горечь несчастных, страданья больных,
Рассеются в дебрях, но увы, неземных,
Не встретить им румяной зарницы,
Летите к свободе невинные птицы.

К месяцу

Облекая нежным светом
Землю в голубом,
Ты уносишь наши души,
Бегать босиком.

Заполняешь наши думы
Роем сладких снов,
Друг наш верный - Месяц ясный,
Даришь нам любовь.

Жизни тяжкие дороги,
Эхом рвут мне грудь,
Так и хочется порою,
Сердце обмануть.

Но когда в ночной долине,
Светит серебро,
Возвращается вновь радость,
Веруешь в добро.

Колыбельную мне ветер, спой,
А я засну,
Может быть во сне пшеницей,
В поле прорасту.

Будешь ты мои колосья,
Поутру ласкать,
И в прохладе влажно - свежей,
Губы целовать.

Месяц ясный - друг наш верный,
Не спеши уйти,
Мне другого счастья верно,
Более не найти!

Осень, осень твои слезы,
И моя печаль,
Но с весенним половодьем,
Расцветет миндаль.

Не таю обиды горькой,
Знаю, Бог со мной,
Снимет Он печаль нагую,
Святою рукой.

Пусть в ночной долине светит,
Ярко серебро,
Погоди немного утро,
Мне во сне тепло.

Хочу быть любимой

Хочу быть любимой,
Единственной женщиной!
Чтобы нежил, лелеял, ценил,
И чтоб кофе в постель обязательно,
На рассвете мне приносил.
Хочу, чтобы радость и горе,
Делил со мной пополам,
Не сбегал, обессилев безумно,
Когда все разлетается в хлам,
Когда молва и предательство,
Будто рапира пронзают мне грудь,
Защищал меня яростно, преданно,
Как любящей, верный мой друг!
Хочу, быть твоим вдохновением,
Музой и песней твоей,
Чтобы сам себе ты завидовал,
Каждый миг, каждый час, каждый день.
Хочу быть твоим провидением;
Чтобы сердце щемило с лихвой,
Когда расставаясь на долго ,
Тебя снова тянуло домой.
Хочу быть последней!
Единственной!
Так... Чтобы жить без меня ты не мог,
Словно вспышка, судьба роковая,
И маузера холодный курок!

Как глупо Ты думаешь я как другие

Как глупо. Ты думаешь, я как другие,
Сможешь вычеркнуть из жизни своей?!

Позабить словно я приключение,

Еще одной ночи твоей?!

Думаешь, сможешь бросить,

Скрывшись предрассветной тиши,

Оставляя гулкое эхо

Окаянной, никчемной души?!

Думаешь, буду плакать,

Валяться в ногах и молить,

Будто я девка какая - то,

За любовь мне заплатить?!

Так знай же, будь проклят навечно,

Священным писанием клянусь,

Любовь свою вырву из сердца,

Но к тебе никогда не вернусь!

Пьеро

Ах Пьеро, Пьеро,
Мальчишка озорной,
Прошла твоя весна,
Теперь горишь свечей.

Незримо, словно призрак,
Ты скалишь алый рот,
И грустно созерцаешь,
Ликующий народ.

Твой балахон широкий,
Как саван на ветру,
Трепещет ворон белый,
Сжигая темноту.

Но вот, фосфорной лампы,
Упал надменный луч,
Ты стал еще зловещей,
Но в сердце твоём грусть.

О бедной Коломбине
Болит твоя душа,
Что делать Арлекину,
Вся жизнь его игра.

Так будь таким, как прежде,
Чарующим толпу,
Твоя же Коломбина,
Лишь сон твой наяву!

Шапито

Бригелла скачет, носиться,
И кружиться волчком,
И рукоплещет публика,
Смех детский ручейком.

Но сзади неуклюжий,
Катится герой -
Тарталья, толще тыквы,
Но с доброю душой.

То ползает сквозь арку,
То падает, и вот,
Компанию пополнил,
Веселый обормот.

Арлекин!
Жонглёр ну хоть куда!
Потеха, да и только,
Вновь хлопает толпа.

И дамам под вуалью,
Дарит он цветы;
- Позвольте, Вашу шляпу!
В ней спрятались коты!

Теперь же, гвоздь программы:
Дамы! Господа!
Извольте! Коломбина!
Бродячая звезда!

И взгляд ее коварен,
И юбка просто срам;
Чье - то сердце пишет,
Сюжет для мелодрам.

Она еще ребенок,
Невинное дитя,
Но публику дурачит,
Играя и шутя.

Меланхолия

Какими скучными стихами,
Исписан жизни смятый лист,
Ничто уже не восхищает,
Остыли чувства для каприз.

И хризантемы в старом парке,
Горячий кофе в Le Dome;
Душе так хочется покоя,
В пустой и терпкой суете.

Любовь - блистательная фея,
Ни в снах, не в грезах не парит,
Предавшись сладостной дремоте,
Проснуться видно не спешит.

И месяц желтый - друг горбатый,
Все одеяло натянул,
Укромно в гроте притаившись,
В перине серой утонул.

Меланхолическая осень,
Срывает желтые листья,
Душе так хочется покоя,
И просто брэнной тишины.

Долгих скучных вечеров

Долгих, скучных вечеров,
Прозябание в тумане...
Прячет бледный облик свой,
Солнце, в облачном дурмане.
Дождь то смолкнет, то стучит,
Сея слезы нудно,
И настенные часы,
В такт шагают грустно.
Древний, каменный камин,
Душу мне не греет,
Свечи в призрачной игре,
В канделябрах тлеют.

Окна заперты, но стужа,
Дышит в стекла грудью всей,
Словно хочет заморозить,
Все живое на земле.
Примостившись у камина,
У веселого огня,
Вспоминаю все кручины,
Без обид, и не кляня.
Мыслей - рой, я их сгребаю,
Будто хворост, и вяжу,
Но порой среди напастей,
И поленья нахожу.

Жизни горькие порухи,
В пламень яркий, вместо дров,
Я безжалостно бросаю,
Вместе с тысячами слов.
Мой огонь трещит лениво,
От того ли, что давно,
Все печали отсырели,
В небыль прошлое ушло.
Вот однако, только сердце,
Как безумное щемит,
Позабить любовь не в силах,
Обессилено кричит.

Поволокою дымится,
Подступая к горлу боль,
Не зажили мои раны
Ты и счастье мне, и соль.
Я любовь в огонь не брошу,
Как позволить ей сгореть?!
Если б только ты вернулся,
Мою душу отогреть.
Я б тогда бы все простила,
Все забыла бы, поверь!
Только ты такой холодный,
И внутри тебя метель.

А я так долго и давно

А я так долго и давно
По-детски, искренне мечтала,
Когда луна мое окно,
Улыбкой светлой целовала,
Когда лампы тусклый свет,
В мои труды глядел упрямо,
И тени длинные ползли,
По шторам странно и устало.

О, я мечтала о тебе,
Когда еще была ребенком,
Когда на утренней заре,
Однажды ветер пел мне звонко.
Я помню час тот, помню миг,
В воображении мелькнуло,
Твой образ, словно мне знаком,
И сердце, юное кольнуло.

Все эти годы я ждала,
Молилась Господу с надеждой,
Безмолвно в снах тебя звала,
В груди хранила чувства нежно.
Но вот теперь ты здесь, со мной,
О, мне предсказанный судьбою,
И дом наполнился мечтой,
И сердце, пламенной любовью!

Воет ветер свечи тлеют

Воет ветер, свечи тлеют,
Вековой инжир в окно,
Злобно ветвями стучится,
Не боится никого!
Спит гарем, уснули слуги,
Дремлет стража на посту,
В крепком сне, дворцовый повар,
В море красном, на борту.

Но лишь только одалиска,
В зале мраморной сидит,
Взор куда - то устремился,
Бледен цвет ее ланит.
Отзвук милого мотива,
Из родимой стороны,
Слышит гордая жидовка,
В струнах собственной души.

Много ль, мало ли вассалов,
Одолел великий Хан,
Покорил моря и земли,
Крепко стиснув свою длань;
Сколько гурий сладострастных,
Бредят кроткою мечтой,
Завладеть великим сердцем,
И Персидскою луной.

Только дочь племен невольных,
Жадно внемлет тишину,
Сладкий мед, довольно горький,
Хоть в любовном, но плену.
Все бесценные подарки,
Со свободой не сравнить,
Не сломить Ее владыке,
Гордость в Ней не погубить!

В час, когда с улыбкой нежной,
Хан предстанет перед Ней,
Не станцует Она танец,
Среди тлеющих свечей,
Не споет Она и песни,
Но, сверкнет в руке металл,
Сердце страстного владыки
Усмирит Ее кинжал.

Кинжалом острым сосуд пронзите

Кинжалом острым сосуд пронзите,
Хмельным напитком наполнив кубки,
И взоры женщин, друзья ловите,
И в знойной страсти, целуйте губки!

Хмельным напитком наполнив кубки,
Любуйтесь морем, в часы заката,
Душа и сердце вдруг затрепещут,
Познав любовь и сладость муската!

О, в знойной страсти целуйте губки,
В безумье голову теряйте,
Любите женщин со вкусом счастья,
И улаживать их, не забывайте!

Изабелла

В будуаре зеркальном янтарей нежный свет,
Изабелла дремлет, ах, что ей до сует!
На плечах обнаженных Коко де Шанель,
В бокалах со льдом, изящный коктейль.

Рядом с девицей молодой адюльтер,
В грезах витает на французский манер,
Невинная встреча в оперной зале,
А далее все, как в дешевом романе.

Сладострастия наука, о месье Мопассан,
Совершенно не шутки для неопытных дам!
На des Champs-Elysees горят фонари,
В будуаре зеркальном, избыток любви.

Порой когда я Вас случайно

Порой, когда я Вас случайно,
Встречаю вдруг, среди суеты,
Мне кажется, что наши чувства,
Давно сковали злые льды.

Как будто нас нить преступления,
Или какой - то страшный грех,
Связали вместе лишь на время,
Для праздных, будничных утех.

Подумать только, как бездушно,
Подобно нищим без одежд,
О, мы любовь свою предали,
Страданиям горьким, без надежд.

Но лишь теперь воспоминанья,
Тоской в душе моей кричат,
И я должна, должна безмолвно,
В огне безжалостном сгорать.

Нежный шелк декольте

Нежный шелк, декольте - вызывающе страстное,
По аллее берилловой ты скользишь словно марево,
По аллее берилловой, по листве разметеленой,
С грациозностью тонкой, в свете бледно - эмалевом.

О, все ночи твои, словно первая, брачная,
Ты в экстазе любви, жить судьбой предназначена,
Ты такая изящная, на других непохожая,
Воплощение грёз, до безумья безбожная.

Нежный шелк, декольте - вызывающе страстное,
Твой избранник мальчишка, в ягуаре муаровом,
Безнадежно влюбленный, ослепленный тобой,
Он летит сквозь презренье за мечтой голубой.

Ну а ты столь эффектная, на других непохожая,
По аллее берилловой, по листве разметеленой,
На свиданье к мальчишке скользишь словно марево,
Чтобы завтра исчезнуть, как жасминный цвет зарева.

Краски переживания

Самая дума моя о тебе, драгоценна невообразимо,
Взор твой чувственный сводит сума, томно – нежный, как легкость эфира,
От улыбки твоей все вокруг, зажигается солнца ярче,
Будто улыбается радость сама, окрыленная безграничным счастьем.

В том и очарование летучей любви, что её пленение кратко,
Одинаковый срок отведен, для печали и отрады сладкой,
Вчера твоё имя чертила, вдохновенно на золотом песке,
А сегодня пишу тебе строки, на розовом, словно сон лепестке.

В тополиной аллее шепчется, в вальсе последнем листва,
В этом танце кружатся, кружатся, чувства мои и слова,
В бокале хрустальном осени, оседает зелье туманное,
Я в нем до весны сохраню, краски, переживания.

Полет Валькирий

I

Багровым рубином безмолвно луна,
Сияет над грешной, в лохмотьях, землей,
Грудь ее полая, телами покрыта,
Оружие воинов, кровью омыто.

Слава Героям,
В миру и на небе!
Зевса сыны, уснули навеки...

Но с эфирной долины, стремглав словно тени,
Валькирии мчатся, и враг уж в смятении.
Оглушающим свистом шумят их одежды,
Недругам смерть, не оставит надежды!

Прозрачные крылья режут воздух, как меч;
Страшитесь! Страшитесь!
Головы не сберечь!

II

Неистово девы Валгаллу летят,
Сотрясаясь чертоги, словно улей гудят.
Звуки трубы возвещают победу,
Светочи тлеют, подобно рассвету.

Валгаллу подруги! Валгаллу! Вперед!
Мечи и щиты холодны будто лед;
Валгаллу подруги! Там пир неземной,
И Боги с рабами, пьют мед золотой!

Элегия Музам

Я помню в детстве надо мною,
Младенческий лаская слух,
Эвтерпа пела сладострастно,
Гармонии вселяя дух,
Ее свирель звучала нежно,
Слетая с высоты небес,
Волшебный ангел вдохновенья,
Манил меня в страну чудес.
Мой слух восторженно дивился,
Ее божественным стихам,
И внемля я ее урокам,
Училась мыслящим словам,

Прошли младенческие годы,
Юности настал мой час,
И вот ко мне пришла Эрато,
О Боги! Я больше возлюбила вас!
Слагая оды, мне случалось,
Согбенно плакать над трудом,
Роняя слезы, сердце билось,
Порхая дивным мотыльком,
Или внезапно замирало,
Томясь в скорбящей тишине,
То вдруг в голубку превращалось,
Стремясь к прозрачной синеве.

Но жизнь, как всякое начало,
Текла ручьем, и время шло,
О, Сколько Муз и вдохновенней,
С тех пор в элегию ушло.
Чредой сменялись песни, оды,
Все буйство красок и страстей,
Суровых лет свое теченье,
Перо достойно повестей.

Теперь союз мой с Мельпоменой,
Достиг Шекспировских побед,
Предавшись мрачному веселью,
Я чту покорно свой обет.

Тайная встреча

Там, где ищут мужи утешение,
За экую жрицу любви,
Увлекут в сады наслаждений,
И мы свой приют нашли.
За запертой синей дверью,
Целый мир нас оставил вдвоём,
Только тени, жадные тени,
Колыхались на шторах огнём.

О, вся жизнь, как на гребне волны,
Сквозь биенье сердец протекала,
Извергая водопады с небес,
Только этого было нам мало.
Наше ложе подобно ладье,
То вздымалось, то билось о скалы,
Он на миг, на мгновенье застыл,
Я взмолила его о пощаде.

Ах! Срывая, круша паруса,
Буря страсти вновь налетела,
Он из далей глядел мне в глаза,
Я лишь чувствовала содрогание тела.
Но вдруг хаос опрокинул ладью,
Брызги пены... И вот нет человечества!
Словно из форм иного бытия,
Вожделенья святого свидетельство.

Мы очнулись от сладкого сна,
Всё опять обретало обыденность,
Всюду слышались шум, суета,
Он и я превращались в действительность.
Покидая наш бранный приют,
Я шла по тропинке в вуали,
И уже пламенела заря,
В вечерней облачной дали.

Блудница

Словно ворон сумрак чёрный,
Распростёрся над землёй,
Водопадом бурной страсти,
Первый встречный обречён.
Кровь бурлит, как в скалах волны,
Ночь паденью отдана,
Я иду, укрыта тенью,
Светит красная луна.

Статный рыцарь в плащ закутан,
Щит и меч его звенят;
- «Будь минутною подругой!»
Просит алчный его взгляд.
Я пойду за ним безмолвной,
Неизведанной тропой,
Очи смутны, дрожь по телу,
Не заметит лишь слепой.

В замке старом и холодном,
Без кольчуги, и без слов,
Он погасит тихо свечи,
В шумном шелесте шелков.
Я хочу без промедленья,
Мук жестоких, сильных рук,
Водопад сей не иссякнет,
В кровь искусанных мной губ.

Сокрушен железный рыцарь,
Негой блудного дитя,
Ах, не это ли блаженство,
В реке скучного бытия?
Сладок сон в его объятьях,
Никта нежности полна,
Утопаю в лунном свете,
В скалах плещется волна.

В окна денница заглянет,
Я одену вновь шелка,
И незримо, мимо стражей,
Уведет меня стезя.
В переулках еще тихих,
Блещут камни белизной,
Оттенья словно саван,
Город спящий, и пустой.

Жрица

Опьянённая тайным свиданием,
Я исчезну в тающей дымке,
Накинув на плечи лишь пеплум,
Сольюсь с тенью, на чёрной тропинке.

Я оставлю его одного,
С ещё не остывшими чувствами,
Где мои горностаи волос,
Он ласкал в безумстве, без устали.

Я оставлю его одного,
В палящей истоме блаженства,
И пусть ищет, пусть жаждет меня,
Как художник своё совершенство.

А когда зародится заря,
Измождённый сомкнет он вдруг очи,
И тогда приснится ему,
Пеплум в сиянии ночи.

Мой Демон

К***

Демон чувств моих порочных-
Ты ирония судьбы,
Словно вихрем с преисподней,
Вдруг ворвался в мои сны.

На голгофе одиночества,
Я мечтаю о тебе,
Не жена, и не любовница,
Так... Пришедшая из вне.

Может это даже к лучшему,
Слишком многих ты лобзал,
Я же грешная; недоступная,
Для тебя пучина тайн.

Эринния я! Возмездие!
За себя, и за других;
На голгофе одиночества,
Страждешь ласок ты моих.

Мы возможно квиты поровну-
Неразлучные с тобой,
В целом мире одинокие,
Но обвенчаны судьбой.

Нежные руки будто бабочки крылья

Нежные руки, будто бабочки крылья,
Касались грудей обнаженной богини.
Пробежав ветерком, по поверхности кожи,
Разлилась теплом ласка сладкая,- Боже!
Каждый нерв, каждый мускул растревожен в истоме,
Губы пылают, словно алые розы,
Сердце щебечет листвой на деревьях,
Становится жарко, как полуденным летом.
От зноя зарей загорелась она,
Яркая вспышка, слились тела.
Вся сущность мирская исчезла в мгновенье,
Со страстью сравнимо, лишь вожделение!

Опаленная сельвой

В свете белой луны по тебе изнываю,
Изнываю от жажды нестерпимой во мгле,
И сквозь сон, и сквозь бред, опаленная сельвой,
Вглубь тебя прорываюсь, словно корни к земле.

Жаждой жаркого дня, мысль до судорог сводит,
Я в глазах твоих нежных обреченно тону,
Что мне делать? Как быть? Без тебя различаю,
Я кругом лишь одну, непроглядную тьму.

Ты зерно моей сути, налитое счастьем,
И только тобой, утолить я могу,
Иступление боли, наваждение жажды,
Что сжигает мне губы в беспощадном бреду.

В этой жажде пожара отыщи в себе силы,
Снизойти и сгореть со мной без следа,
Или огонь потуши в моем сердце,
Истреби мою жажду во мне навсегда.

Горгона

Очертания Горгоны: -
Ужас смертный и немой,
Встал над пышною долиной,
Зыбь, укутав пеленой.

Взор горящий, глаз кровавых,
Космы: – рой шипящих змей,
Рок и хаос непроглядный,
Раболепие камней.

Дни и ночи в бред кошмарный,
И в поток огня слились,
Крик зловонный и смердящий,
С жаждой смерти вознеслись.

И при зареве рассветном,
На руинах всех святынь,
Пепелища мрачно тлеют,
Словно тысячи могил.

Кто воспел беспечность смеха,
Жизнь воспел: – тот эхо лишь,
Мир чудесный, мир прекрасный
В лютном пламени узришь!

Под напевом черной бури,
Глас Горгоны с громом схож;
Каждой жилкой, каждой веной,
В твердь земли исходит дрожь.

Век за веком в бездне сгинут,
Жребий выпал, и теперь,
Во вселенной будет править
Полу - демон, полу - зверь!

Сирин

За лесом диким и глухим,
Где сосны словно исполины,
Где позабытый монастырь,
Манит покоем в час кручины,

Сирин гнездится на ветвях,
Созвучно с раем имя это,
То птица дивная - жена,
Быть может муза для поэтов.

Она так сладостно поёт,
С такою тонкостью глубокой,
Что если путник забредет,
В тот монастырь какой дорогой,

Уж не оставит те края,
И лес глухой и молчаливый,
И песни нежной красота,
Сразит, и сделает счастливым.

Но вот тогда и вспыхнет лес,
Багровым пламенем заката,
И скорбно сосны затрещат,
В холодном пурпуре из злата.

С кокой отрадой с далека,
Он внемлет звону колоколен,
Напевам женщин у ручья,
И шелест ветра в чистом поле.

Невыразимая тоска!
О! Нет её больней и горше,
И лишь Сирин в щемящей тьме,
Всё вьется крылья распростёрши.

И чем тоскливей и грустней,
Душа у путника страдает,
Тем песня птицы всё нежней,
Последним вздохом дух терзает.

Всадник

Горит луна пятном багровым,
Веет ветер, чёрен лес,
Стонут сосны диким зверем,
Возвышаясь до небес.

Конь летит, с ним всадник юный,
Тайным страхом дух объят,
Сердце выскочить готово,
Затуманен горький взгляд.

Позабыть Её не может,
Бледных губ, росинки слёз,
В час последнего прощанья,
Серебристый бархат звезд.

Конь летит быстрее ветра:
- Ну же друг, скорей! Скорей!
Только б вовремя домчаться,
До возлюбленной моей.

Вдоль кладбища конь ретивый
Пролетел, и всюду тьма,
Жизни скорбной пепелище,
И глухая тишина.

Вот унылой песни звуки,
Блеск холодный над кустом,
Всадник спешился, но Боже!
Над могилою с венцом.

За стенами старого замка

Как – то мне рассказала вещунья,
Что за стенами старого замка,
Ночь за ночью творится худое,
Мол, играет всё та же шарманка.

Приезжает какой – то всадник,
На коне вороном, весь в черном,
По дворищу ступая мерно,
Всё окутывает взором холодным.

Отворив вековые засовы,
Входит он в чертоги где духи,
Где аукает глухо филин,
И колдуют жабы – старухи.

Там всю ночь слышатся звуки,
Песни, танцы и зловещий хохот,
Тишину разрывают вопли,
Непонятный, тяжелый грохот.

Но заря рассвет венчает,
Серафимы сплошным кругом,
На крылах летят и рубят,
Нечисть, в золотых кольчугах.

А на утро. в янтарном свете,
По каменным, серым ступеням,
Бесшумно ползут и тают,
Обезглавленные, немые тени.

Седьмая руна

Кто тот рыцарь незнакомый,
Что пришпоривал коня,
Почему огнем горела,
Вслед за всадником земля?

От чего печальным взглядом,
Он взглянул в мои глаза,
И теперь несносны стали,
Мне живые образа?

Для чего отец и братья,
Приготовили мечи,
И латает дед кольчуги,
В свете тлеющей свечи?

От чего псалмы читали,
И постились целый день,
И угрюмые монахи,
Всё крестились видя тень?

Для чего мудрец Де Вильго,
Звезды тщательно считал,
Что на небе в тьме безбрежной,
Беспокойно он искал?

Почему в соборе тайно,
Шел горячий, долгий спор,
И теперь ворота замка,
Вдруг закрыты на затвор?

Бесконечные вопросы,
Но ответов вовсе нет,
А душа моя вдогонку,
За любимым мчится вслед!

Вещунья

Вещунья – древняя старуха,
Глядит на алую луну,
Ей тайна некая открылась,
Непостижимая уму.

Она в бреду бормочет что – то,
Но мысль упорна и ясна,
Ей искушенье незнакомо,
Её боятся, как огня!

Вот, где – то там, погасли окна,
Спит городище в сладком сне,
Но ждёт клинок свой час неспешно,
Таясь в зловещей, черной тьме.

А на ристалище, где сирю,
И сонно клонится трава,
Упрямо вера поселилась,
В кудесны бабкины дела.

Уж солнце вышло из пучины,
Рассвет шафрановый горит,
Да только тщетно волхованье,
И твердь земная вся дрожит.

Звезда последняя погаснет,
И ветер с севера придет,
И робким гулом городище,
Днем новым снова заживет.

В лучах холодной позолотой,
Сверкнет наточенная сталь,
Вдруг вскрикнет кто – то, очень громко,
И смерть поднимет свой Грааль.

Вещунья – древняя старуха,
Устало сядет в уголок...
Почем им знать, всем этим людям,
Старушка вовсе, ведь, не Бог!

К

Так завуалированно, так сложно,
Чтобы сказать, что Вас люблю,
Из гениального безумства,
Я повесть века создаю.

Над «и», не расставляя точки,
Упорно прячу в сердце грусть,
Но я уверена! Я знаю!
И Вы, в плену подобных чувств.

Непобеждённою победой,
В мгновенья мимолётных встреч,
Мы наслаждаемся друг другом,
Пытаясь тайну уберечь.

Но стоит ли игра стараний?
Я не одна, и Вы чужой;
И Богом данное проклятье,
Всего лишь крик души немой.

За печкою поет сверчок

За печкою жалобно поет сверчок,
А я к шагам, вдали прислушиваюсь,
Все обещания твои,
Словно кукла плющевая.

Сколько ноченок не сплю,
Вновь пришла бессонница,
Колыбельную твою,
Гонит за околицу.

Окна ставенками скрипнули,
Луч струится золотой,
С беззаконницей – тоскою лютою,
Я обвенчана судьбой.

Пусть ты мне во всем отказал

Пусть ты мне во всем отказал,
Но и эту любовь я приемлю,
Неважно, что между нами мосты,
И реки, лобзающие землю.

С каждым вздохом всеобъемлющих чувств,
Образ твой непрестанно я вижу,
Через версты, солнце и дождь,
Твое дыхание, жизнь моя слышу.

Ты и хлеб, и соль для меня,
Мое утро с румяной зарею,
И поле, где волнуется рожь,
Серебрясь под яркой звездой.

Пусть ты мне во всем отказал,
Но и эту любовь я приемлю,
Лишь потому, что с тобой,
Богу единому внемлю.

В стаи тысячи птиц различу,
Я твой образ до боли любимый,
Не разлучит нас с тобою ничто,
Как зерно мы вовек неделимы.

И пусть эта звездная ночь,
Слаще меда для нас обернется,
Я смогу беду превозмочь,
Наше счастье к нам снова вернется.

Пусть ты мне во всем отказал,
Но и эту любовь я приемлю.

Из цикла Осмысление жизни Я люблю тебя

Я люблю тебя,
Ты слышишь? Люблю!
На этих холмах, где в оливах запуталось солнце,
Где по желтой земле бродит ветер сухой,
И где тает луна, в бездонном колодце.
Я люблю тебя здесь, где все дни как один,
И тянется море за горизонты,
Где в багровом закате качает волна,
Вдруг упавшие с неба, синие звезды.

Белый парус вдали,
Словно одинокая птица;
В нашей гавани пески, лобзает прибой,
Я сюда прихожу, на заре с влажным сердцем,
Я люблю тебя здесь, этой жаждой морской.

Я люблю тебя,
Слышишь? Напрасно,
Время пытается нас разделить,
Я люблю тебя даже когда сырость и холод,
Проливные дожди, заставляют грустить.

Порою я нежность и свои поцелуи,
Посылаю тебе на больших кораблях,
И все же мне мнится,
Меня позабыл ты,
Как вечер глубокий, в рыбацких снастях.

Лениво и горько спускаются сумерки,
Колыбельную ночь однозвучно поет,
Как же душа моя исстрадалась, намучилась,
Но помнишь ли ты,
Что тебя кто – то ждет?
Твоим ласковым взглядом смотрит небо ночное,
На холмах серебрятся оливки в тиши,
Они шепчут твоё медвяное имя,
И льют слезы – росинки, как я, от тоски.

Из цикла Осмысление жизни

Все приходит и уходит

В лучах полуденного солнца,
Кружил изящно мотылек,
Весь временами зажигаясь,
Сияя словно огонек.
Ветвей касаясь, застывая,
Частицу пламени себя,
Он отдавал листве июньской,
Горя с ней ярче янтаря.

Но все смеялись, говорили:
- Помилуй Боже, это бред!
Тебе, наверное, приснилось!
А я твердила только:
- Нет!

Роняла осень золотая,
Печали горькую слезу,
И сердце сбрасывало листья,
Уж не скрывая наготу.
За горизонты уплывали,
Стадами в небе облака,
Лишь оставляя след туманный –
Едва прозрачные слова.

Но все смеялись, говорили:
- Помилуй Боже, это бред!
Тебе, наверное, приснилось!
А я твердила только:
- Нет!

Зима в окошко постучала,
За нею грусть прокралась в дверь,
Ступая тихими шагами,
Безмолвно, будто сама тень.
Дожди тропические, ветер,
Хлестали землю день за днем,
А ночь казалась бесконечной,
И мы, как будто не живем.

Но все смеялись, говорили:
- Помилуй Боже, это бред!
Тебе, наверное, приснилось!
А я твердила только:
- Нет!

Быть может рано или поздно,
Проходит все, минует нас,
Вновь небо солнце проясняет,
Цветы цветут в обрывках фраз.
Проходит все, печаль и слезы,
И губы тех, кто дорог нам,
И волны в маленьком стакане,
В горячем кофе по утрам.

Помилуй Боже,
То не бредни...
Мне не приснилось ничего,
В лучах полуденного солнца,
Я помню яркое крыло.

Слово

Ты без жалости бросаешь,
В меня грешные слова,
Я стою перед тобою
Ни жива, и не мертва.

А ведь завтра с покаяньем,
На колени упадешь,
Только слово, словно птица,
Вновь обратно не вернешь.

Бог простит мне сердобольность,
В эти тяжкие часы,
Не хочу я искупленья,
Речи все твои пусты.

И в любви твоей, как в топях,
Не хочу, я утонуть;-
Слово – выпущенная птица,
Вновь обратно не вернуть.

Может я и непреклонна,
Слишком гордая, и все ж,
Но и ты прости мне Слово,-
Что обратно не вернешь.

Не терзай меня не надо

Не терзай меня, не надо,
До небес не возвышай,
Мое сердце понапрасну,
Я прошу не забирай.

Нет покоя мне на свете,
Но боюсь я одного,
Если вдруг тебя не станет,
То и жить мне для чего?!

Ведь придет ко мне однажды,
Ангел Божий Михаил,
И попросит твою душу,
А отдать не будет сил.

Я не алчная, и все же,
Богу - богово, а мне,
Ничего не нужно кроме,
Рая с милым на земле.

Я не алчная, и все же,
Своего я не отдам!
Не терзай меня напрасно,
Не привязывай к словам.

Ты еще не забыл

Ты еще не забыл, я знаю, ты помнишь,
Как сошли друг от друга, мы невольно сума,
Как в шафрановом небе золотая сияла,
Страстным светом любви, молодая луна.

Ты еще не забыл, я знаю, ты помнишь,
Знойные ночи и жар моих губ,
Жгучих объятий пламенный ветер,
И нежность заботливых, ласковых рук.

Мы наслаждались друг другом, ты помнишь?
Таинственной мглой укрыла нас тень,
Злая разлука нас разлучила,
И ночи черней, теперь светлый день.

Но я знаю и верю, ты скоро вернешься,
Взглянешь, как прежде мне нежно в глаза,
И в эту священную нашу минуту,
Вечное счастье пошлют небеса!

Ни любовь теперь ни дружба

Ни любовь теперь, ни дружба,
Что же, Бог с тобой мой друг!
Подостыли наши чувства,
Может их сразил недуг.

Запивай свой путь далекий,
Версты снежные считай,
Я любила слишком сильно,
Только ты не понял, жаль!

Ни твоя вина, ни майся,
В этом только я грешна,
Терпкой нежностью моею,
Ты насытился сполна.

Не сужу веленьем Божьим,
Все ревнивые в любви,
Как же волком не завоешь
В ожиданье до зари?

Я держать тебя ни стану,
Хочешь?! Ноги уноси,
Бес в ребро, да при седилах...
О прощенье не моли!

Ну, прощай же, слов не надо,
Волю вольную вкушай,
И теперь другую дуру
Ложью сладкою терзай.

Будто птицы в осоках стонущие

Будто птицы в осоках стонущие,
Словно зарево закатное в просини,
Душу наполни памятью,
И печалью безмерной с проседью.

Переполни сердце солнышком,
Пусть горит оно ярким пламенем,
Озаряя версты стылые,
Согревая твоим дыханием.

Я всплыву на рассвете лебедем,
В полудреме твоём сладостном,
И прильну к губам с нежностью,
Отпирая вериги тяжкие.

И лазурь в оправе времени,
Вдруг внезапно скрипнет ставнями,
Зарастут дороги дальние
По-весеннему, фиалками.

Но не мне ли знать, что осенью
Слезы соление кажутся,
От того и метеля листва,
Над кладбищами угрюмыми мается.

Из глазниц вечерних окон

Из глазниц вечерних окон
Льется тихо мягкий свет,
В его блеске словно тают,
Синий вечер, и букет.
Ты безмолвно взгляд отводишь,
Ограждаясь от меня,
Только в душу мою вкралась,
Ядовитая змея.

И язвящим, тонким жалом,
Впилась больно в мою грудь;
Мы обманываться рады,
Но любовь не обмануть.

Все слова, объятья, клятвы,
Точно невод на песке;
Бесприютно бьется сердце,
Одинок в тишине.
Что судьбой неотвратимо,
Всей покорностью приму;
Я молчанья не нарушу,
И тебя не прокляну.
До крови лишь стиснув губы,
Заглушу грудную боль,
Накорми меня любимый,
Пудом соли и бедой.

Из глазниц вечерних окон
Льется тихо мягкий свет,
В его блеске словно тают,
Синий вечер, и букет.
Я бреду одна, безмолвно;
Люди, стены и дома;
Жизнь промчалась где-то мимо,
Ограждаясь от меня.
Вдруг замкнулся круг небесный,
Оборвалась окон нить...
Как же хочется забыться,
Нет ни сил, ни воли жить.

Он слишком нежен и застенчив

Он слишком нежен и застенчив,
Его страшит суровый взгляд,
По-детски искренне беспечен,
И пошалить, порою рад!

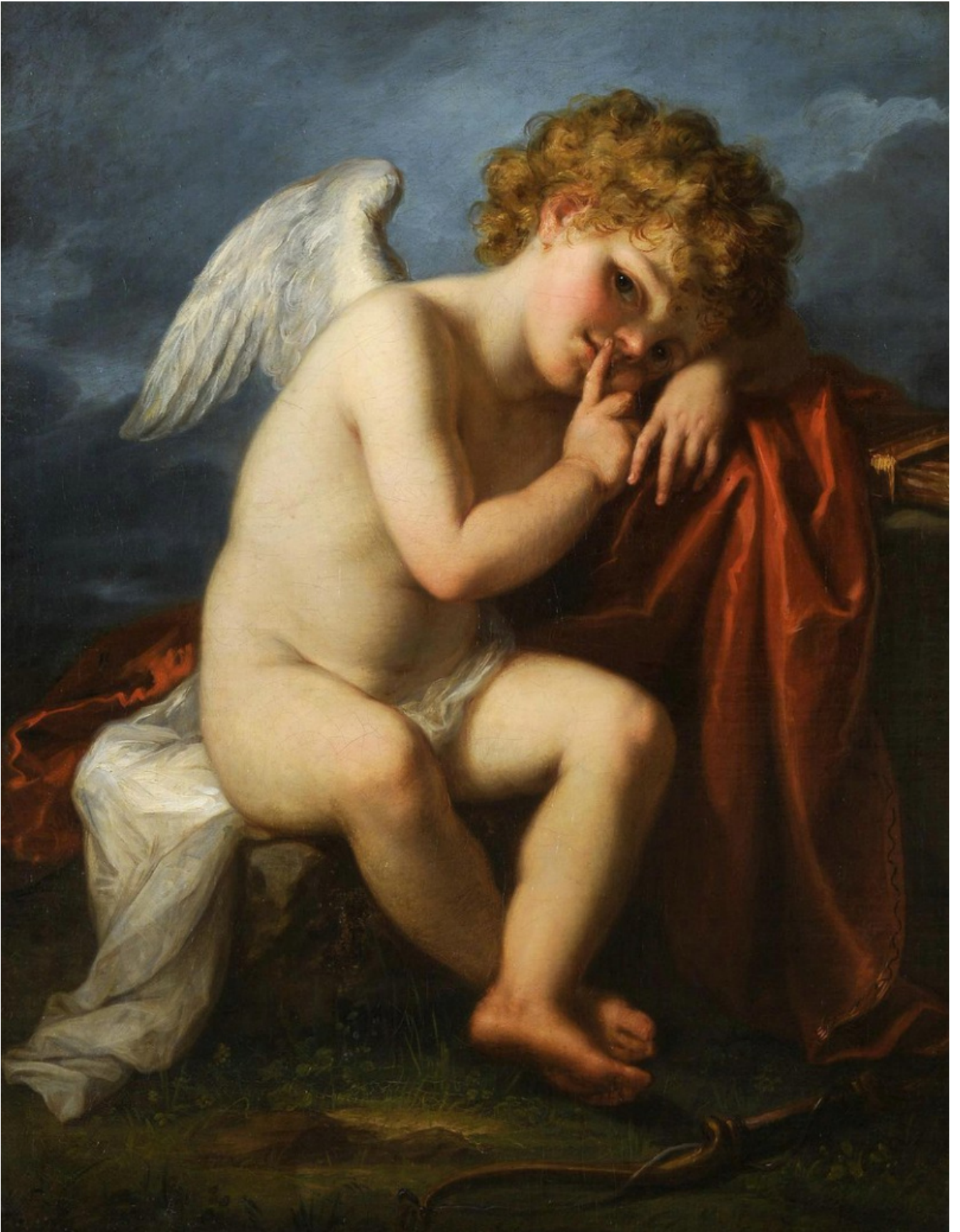
Его колчан из стрел волшебных,
Откроет к сердцу верный путь,
Он чувством сладостным заполнит,
В груди фарфоровый сосуд.

Но стоит лишь его обидеть,
Исчезнет тотчас, упорхнет,
Как ни мани потом обратно,
Ничто упрянца не вернет!

Осколки вновь не можно склеить,
Разбив бесценнейший сосуд,
И как ни плачь, и как ни бейся,
Напрасен будет всякий труд!

А посему, не будьте мрачны,
Любите сердцем и душой,
Не обижайте Купидона,
Ведь наш малютка, небольшой!

Мой Морфей сладкоголосый

Мой Морфей сладкоголосый,
О, певец луны и звезд,
В зыбком сне, чуть карамельном,
Строишь замки дивных грез.

И торжественные думы,
Как - то просто и легко,
С умилением нежат душу,
Словно лотос ветерок.

Мой Морфей сладкоголосый,
В сиянье девственной луны,
Сны да звезды рассыпает,
Неустанно до зари.

И ни шорохи, ни звуки,
Только вздохи тишины,
В сне глубоком вдруг случайно,
Кроткой песнею слышны.

Мой Морфей сладкоголосый,
Исчезает в свете дня,
Лишь с Венерой в ночь приходит,
Колокольчиком звеня.

Но когда печаль порою,
В сердце кружит, как метель,
Мой Морфей сладкоголосый,
Призовет на помощь Фей.

Он к устам свирель приложит,
Фей чудно запоют,
И на очи сон блаженный
Диким медом разольют.

Янтарным блеском горит еще заря

Янтарным блеском горит еще заря,
Чернеет лес, в небесном океане,
И золотистый вечер, как Орфей кудрявый,
Прильнул к устам, бледнеющего дня;
Из долины, влюбленной парой,
Приходят Ночь, и Тишина.

Приносят дню последние дары,
Покорно головы склоняя,
Небесная лазурь, дыхание земли и звук...
Вселенная, им отвечает кроткой тайной;
Вот вздохи ветра, спешат скорей уйти;
Уж все вокруг, не шепчет, не шуршит.

Ах, и ты забылся, дремлющий мой замок,
Укутавшись божественно в туман;
К храмам возносишь гордо очертанья,
Вздымая башен стройные шпили,
Но сонмы тучек, как пчелки набегают,
И вот уж звезды, серебром блистают.

Почившие покоятся в тверди земной,
Чудится мне... Слышен робкий шепот,
Чувства, мысли, вечная любовь,
Скользят в загробной жизни,
И во тьму уходят,
Но внятно, лишь сердцу и уму.

Мироздание прониклось цельной красотой,
О даже смерть сама, блестящей жизни краше,
И так легко, уверовать душою,
Что мир загробный, желанней тайных полон,
Что рядом, со смертью спящий,
Трепещет в неге сладостного сна.

Уходящего лета осколок

Дар из ладоней моих ты прими,
Кубок хрустальный, с лучом лунного света,
Медвяное зелье на заре пригуби,
И вслушайся в песню, уходящего лета.

Нет, не утешить в океане Борея,
И Эвридике не осушить горьких слез,
Не превозмочь в жизни дремучей,
Кручины угрюмой и сладостных грез.

Но нам лишь осталась глубокая нежность,
Фиалок прекрасных сиреневый цвет,
Тот, что с восходом, как сон исчезает,
Не оставив на небе облачный след.

Прими же на счастье, мой чудный подарок,
Уходящего лета, осколок любви,
И в сердце своем сохрани моё имя,
С частичкой медвяной, щемящей тоски.

А я закрыв глаза на миг

А я, закрыв глаза на миг,
Любуюсь в тайне нежно Вами,
О нет! Молчите! Не хочу,
Играть высокими словами.

И все ж, глоточек за глотком,
По - детски сладко, непрерывно,
Я слог за слогом жадно пью,
Внимая глупости наивно.

Как я боюсь себе сказать,
Что вдруг без памяти влюбилась,
Но может это только сон,
И я в бреду ночном забылась?!

Вот и осень покинула сени

Вот и осень покинула сени;
А дождь, который день безмолвно,
Все горько плачет за окном,
Стучит по крышам беспокойно.
Никто участия не примет,
В его печалях и тоске;
Сады притихли одиноко,
Забывшись видно в полусне.
Тебе лишь душу приоткрыть,
Ты все поймешь, ты все поймешь,
Природа плачет о весне,
Лишившись словно люди, грез.

Ты через поле, по жнивью,
Свой взор, друг нежный, обрати,
Представь метелей лютой вой,
Стелящих саван по тверди.
Придут созревшие снега,
И припадут к твоим стопам,
Деревьям в ножки упадут,
Лесов обхватят пышный стан.
Но мы сроднимся с тишиной,
Привыкнем к сумеркам сквозь время,
И вот тогда, оттает лед,
И паводками смоем бремя.

Ах, разве помниться весной,
Об осени грядущей снова?!
Завьются зеленью луга,
Родиться в новом чувстве - Слово!
Лишь пробудившись на заре,
С лучами теплыми светила,
Легко вдруг станет на груди,
И ты поймешь, - не разлюбила!
По верстам, что пройдешь не зря,
Взойдут, стремясь к обилью травы...
Им и не вспомнить, как вчера,
Метель оснежила дубравы.

Чужой Париж и суета

Чужой Париж, и суета...
Отели в сумраке ночном,
Нет больше слов, страданья лишь,
Все чувства вдруг, покрылись льдом.

И ты, и я, бессильны, что ж,
Мертва любовь, но сердце ноет,
И безысходная тоска,
Терзает душу черным горем.

Никто из нас не виноват,
Бывает... Видно не сложилось,
Не победить в себе самих,
Гордыню, страх и нерешимость!

Рабами быть мы неспособны,
Увы, судьбой обречены,
На одиночество и слезы,
На разведенные мосты.

Мы будем вечно одиноки,
И ты - один, и я - одна,
Существованье наше скрасит,
Порой опавшая листва.

Прибьются к окнам листья клена,
Закаты вспыхнут по весне,
Но мы с тобой однажды вспомним,
Что потеряли в полусне.

Настанет срок

Настанет срок, а он настанет,
Когда Вы вспомните меня,
Когда однажды в Вашем сердце,
Зажжется пламенем тоска,
Когда уеду я надолго,
И опустеет дивный сад,
И Вам не в радость будет солнце,
Прискорбен в золоте закат.

Настанет срок, а он настанет,
Когда другая увлечет,
Вас незатейливой игрою,
Тщедушной, хладной, словно лед,
Когда кокетство и тщеславие,
Возьмут над Вами хитро верх,
И совесть вдруг в душе проснется,
И очевиден, станет грех.

Когда другая, Вас полюбит,
Как вещь, безделицу, пустяк,
Не дай Вам Господи, о право,
Позор безжалостный принять!
Не дай Вам Господи однажды,
Понять, как пуст и жалок этот мир,
Когда внезапно Вы поймете,
Для львиц Вы вовсе не кумир!

Настанет срок, а он настанет,
Когда Вы вспомните меня,
От боли грудь сожмется больно,
Как будто жалит Вас змея,
Но будет поздно, уж поверьте,
О, время вспять не повернуть,
Вам не под силу будет друг мой,
Былое вновь, назад вернуть!

Ни звука белая пустыня

Ни звука, белая пустыня,
Снежинки - крылья мотыльков,
Безмолвно кружат над землею,
Срываясь с сизых облаков.

Мороз объял леса и доли,
И охладев уснуло всё,
Но лишь скользит душа нагая,
Тепло в ней теплится ещё.

Ни мук, ни радости - едино;
Снега, снега, снега вокруг,
И ночь, и день воспоминанья,
Желание прикосновенья губ.

Сквозь сон горячие объятья,
Мерцанье плачущей свечи;
Скажи мне Господи о, где ты?
О, где теперь твои лучи?

Но только белая пустыня,
Снежинки - крылья мотыльков,
Наветы ветра, песни вьюги,
И бесконечность долгих снов.

Ты испил меня до дна

Ты испил меня до дна,
Охмелев любовью зрелой,
Я была тебе верна,
Но ты жил так неумело.
Сколько раз ступал на грабли,
Ошибался вновь, и вновь,
Ох, не раз тебя спасала,
И боролась за любовь.

Сердце, душу всю мне вытряс,
Не печально... Я сильна,
Муж ты мне или любовник,
Перед Богом, в чем грешна?
Мне сегодня все равно уж,
Я устала от тебя,
И пусть думают соседи,
Что, наверное, вдова.

Тебя тайком я не ревную

Нет, тебя тайком я не ревную,
И под вуалью грусть не прячу,
Поверь мне, больше не тоскую,
Свою я гордость не утрачу.
И пусть твоей невесте будет,
Светло, спокойно на душе,
Пускай отпразднует победу,
С любимым рай и в шалаше.

Позволь сказать тебе, однако,
А ты запомни дорогой,
Когда насытишься ты ею,
Я стану черствой и чужой.
Не приходи ко мне с цветами,
Прощения плача не проси,
Я не врачую над сердцами,
Ничем тебя мне не спасти.

В небе веет ветер теплый

В небе веет ветер теплый,
Лебединое крыло,
Все что между нами было,
Первым снегом замело.

Ты меня своей голубкой,
Нежно часто называл,
Говорил я слаще меда,
В губы страстно целовал.

От чего же между нами,
Ворон черный пролетел?
Почему же наше счастье,
Удержать ты не сумел?

Помнишь

Помнишь...? Конечно же, о, помнишь,
Как холодной, ненастной порой,
Привез мне виноград ты из Шираза,
С канарейкой в клетке золотой.
А помнишь, как с тобой в Стамбуле,
Мы проводили радостные дни,
Как плескалось ласковое море,
На волнах качая яркие огни.

Что же вдруг с нами приключилось,
Мы же счастливы были вдвоем,
Отчего ты молчишь, и угрюмый,
Может другая в сердце твоём?
Не таись, не терзай мою душу,
Ты знаешь, ссор не люблю,
Если так в судьбе нашей вышло,
Я любя тебя отпущу.

Упоительна ночь

Упоительна ночь, волшебная ночь,
Все бы слушать, и слушать тебя,
В этой звонкой тиши, прижимаясь к груди,
Как испуганное ветром дитя.

Далеко разлилась сапфирная даль,
Серебром осколки горят,
И введут хоровод, и о чем – то молчат,
И бросают на сад нежный взгляд.

Долька сочной луны над аллеей плывет,
Где теперь ее берега?!
В потаенной тени, среди древних осин,
Бежит голубая река.

Неземные созвучья, сладкий шепот любви,
В каждом всплеске прохладной струи,
Словно тонкие струны скрипки поют,
Как божественны губы твои.

И с тобой, и со мной заодно все теперь,
В этом мире как – будто бы ныне,
Будто дрогнуло что – то, распахнулась окно,
По велению мудрой Богини!

Упоительна ночь, волшебная ночь,
Все бы слушать, и слушать тебя,
В этой звонкой тиши, прижимаясь к груди,
Как испуганное ветром дитя.

Не отрекусь

Пока как родник сердце живое,
Томится, и бьется, теснится в груди,
Не отрекусь, перед земною любовью,
От ласк, что исполнены руки твои!

Покуда дышу я на тверди вселенной,
Покуда мне внятны и страсть, и мечта,
Не отрекусь, перед земною любовью,
Не отрекусь, от любви никогда!

Корни деревьев солнцу покорны,
Хоть сходят в глубины, недра земли,
Но даже и «Там» я найду в себе силы,
Воскреснуть во имя великой любви!

Сады и парки опустели

Сады и парки опустели,
Но золото, пурпур как соблазн,
И солнца краткого сиянье,
Плодам душистым лишь обман.

Ковров тончайшие узоры,
Зеница черная прудов,
И ложь последнего свиданья,
Все для безжизненных цветов.

Но сердце нежит упоенье,
И красоту былых утрат,
Вкусивших вкус цветущей розы,
Осенний манит аромат.

Любовь

Всеобъемлюще крылья расправив,
По дорогом земным проходит она,
Нежной лаской трепеща, позолотой сияет,
И прекрасна, как самое слово – Весна!

Ей знакомо дивное пение птицы,
И осенних дождей, несносная грусть,
Она в сердце таится, в потайном уголке,
Озаряя его, словно солнечный луч.

Она будто хозяйка, правит душою,
Порою слаба, порою сильна,
Часто святою, застенчивой мнится,
Иногда ж до безумья, сладко – грешна.

Изощренно коварная, искусная лгунья,
Медовыми сказками тешит наш слух,
От нее ни спастись, ни сбежать, и ни спрятаться,
Ибо всецело, поглощен ею дух.

Розовым крепом – невидимой дымкой,
Легким касаньем, очи вяжет она,
Но мы вслед за нею, летим окрыленные,
Лишенные воли, покоя и сна!

Менуэт печали

О, ваши души изысканно – ажурны,
Здесь грациозно танцуют менуэт,
И шелестят шелка, среди искусных масок,
Но все ж печален, каждый силуэт.

Здесь клавесин чествует Амура,
Любовью умиляются сердца,
Лукавство?! Быть может лицемерье?!
За масками печальные глаза.

Печаль, и нежное сиянье,
Луны, над кронами аллея,
И плачут даже, прекрасные фонтаны,
Там, где недавно, пел трели соловей.

Люблю твое безмолвье

Люблю твое безмолвье, как летний, сладкий сон,
Мой голос вглубь проникнет, со вздохом в унисон,
Мой взор к тебе стремится, как прежде, как всегда,
Медовым поцелуем сомкну твои уста.

Вселенским содержанием, моя душа полнится,
Из вечной, тонкой сути возник ты, полнясь мной,
И словно песня моря в рубиновом закате,
Счастьем безграничным, вдруг накатил волной.

Люблю твое безмолвье, позволь и мне доверять,
Молчание мое, тебе мой нежный друг,
И пусть оно расскажет, тайну всех созвездий,
Как таю я в объятьях, теплых, добрых рук.

Люблю твое безмолвье, улыбку ярче солнца,
Что светам заливают тропическую ночь,
Люблю твое безмолвье, в молчанье многозвучном,
Что неустанно вторит: - «Ты моя любовь!»

Вкус измены

В глубокую ночь, твой взор устремился,
Месяц рогатый, от скуки, зевал,
А ветер - насмешник шутливую песенку,
Злобно и жутко, в саду напевал:

- Ты страдаешь о ней?!
Глупец,
Как ты слеп!
Но в сердце любимой,
тебе места нет!
Сейчас ее нежит,
Ласкает другой,
Ревнуешь?
Ревнуешь!
А Он, молодой!

Ветер свирепый ни вой, и ни лай,
Ужели сему поверить, возможно?!
По обыкновению люди глупы,
Толпа же увы, часто безбожна!

Плюшевым пледом месяц рожки укрыл,
И зыбко тают силуэты в тумане,
Вкус измены горьким бренди тонул,
С безысходной слезой, в дрожащем бокале.

Скорбь

Не превозмочь мне скорбь сию,
Терзаний горьких не осилить,
Они, как сумерки в душе,
Свой полог черный расстелили.

А в горней выси, тишина,
Она пророчит: - "Всё пустое!";
Над пепелищем грез былых,
Лишь ветер, мается, да воет.

В ночь тени красные ползут,
С кровавого стекая диска;
Невмочь мне более эта боль,
О жизнь! Одна сплошная пытка.

И от того абсурдной мысль:
- "Вось не напрасны все же муки..."
Перед голгофою стою,
В пространство, простирая руки.

Увы – Безмолвною тоской,
Закат горит еще далече,
Но он всего – то, в оный миг,
Победной тьмы и дум предтече.

Розы зла

Величие любви, блаженных наслаждений,
От взора людского не скрывай,
Всей очевидностью молись иному Богу,
И розы зла, безропотно срывай.

Вдыхай в себя букеты преступлений,
Пока услада еще жива в груди,
На эшафоте, тот не раскается, кто в сердце,
Скрывает фальшь, ничтожество души.

Кто чёлн грехов своих, таит в пучине мрака,
Дыша надеждой, спасти свой мерзкий дух,
Но справедливость повергнет в дебри ада,
Всю ядовитость несказанную вслух.

Им не смягчить всей желчи лишь смятеньем,
И не избавиться от жалкого конца,
У черных дум, накопленных с годами,
Безмерна тяжесть предсмертного венца!

Блеф

В опочивальне сумерки сгущались,
Ложились тени в отблеске свечи,
Комок пушистый, мурлыча и играя,
Льнул нежно к нетронутой груди.
Очерки на стенах выступали,
Не то кошачьих лап,
Не то девичьих рук,
Одна из них, в перчатке очень милой,
Таила оникс безжалостных когтей,
Довольно странно... Другая улыбаясь,
Казалось царицею ночной,
В стране прекрасных фей.
Однако,
Между ними, Ангел падший был,
Тихонько наблюдая, он во мгле, как тень застыл.
И на широком ложе был слышен женский смех,
И фосфором сияли, не то глаза,
Не то лукавых блеф.

Медуза Горгона

За морем, где волны граниты,
Долина не жива, не мертва,
Дышат одни пепелища,
Вулканы вздыхают грустя.
Там облака не посмеют,
Слезу невзначай обронить,
Туманность седая росой,
Былинки не станет поить.

На скрытых, зыбучих равнинах,
Как призрак мрачный живёт,
Красота чудовищной силы,
Что любого мгновенно убьёт.
Перед ней дух зрящего камнем,
Оцепенеет, и в землю вращёт,
И мысль онемееет и сердце,
Зачарованно в мглу унесёт.

Красота её в ужасе скрыта,
Вопль немой на устах,
На челе извиваются змеи,
Наводя немислимый страх.
Одна, за другой, словно косы,
Вьются, и злобно шипят,
Разъяв широко свои пасти,
Ужалить вот, вот норовят.

В воздухе черные крылья,
Прорезают собой тишину,
Саламандра взирает с презреньем,
И не даст пройти никому!
Кружит чудовищно дико,
Ночи безлунной страшней,
Сама тьма перед ней отступает,
И блекнет в свете огней.

Пленительный трепет и мука,
Гнездятся в теле её,
Зеркала и те застывают,
Отраженью суля забытьё.
Красота в ней и ужас едины,
Словно свет и лунная ночь,
Полуженщина - Медуза Горгона;
Форка любимая дочь.

Аллегория

Подобно лезвию кинжала,
Мне сердце ранил взгляд из тьмы,
Там демонов зловещих стая,
Слагала гнусные псалмы.
Они в палаццо разум мой,
Жестоко дружно превратили,
И кандалы одели мне,
Бедою черной окропили.

Так денно - ночью, как во сне,
Во мне растёт их дух тлетворный,
Но я послушно льну к нему,
С прилежностью дитя... Покорно.
Порой в молитве, скудный час
Душа отчаянно кровоточит,
Сей вероломный яд пресечь,
Не хватит самой длинной ночи.

О, что же делать?!
Как мне быть?!
О, где искать спасенье?!
«Не бойся!» Отвечали мне:
«Недолго ждать знаменье.

Когда над грешною землей,
Взойдет луна немая,
Мы разум твой освободим,
Воскреснешь умирая.
Когда безмолвие ночи,
Вдруг зазвучит как лира,
В уста холодные твои,
Вдохнем мы дух вампира!»

Аллегорическая присказка

Луна над пологом лесным,
Взошла кроваво - алым цветом,
Тсс – с! Воет Волк из дикой тьмы,
И вой его, разносит эхом.

Он пробуждая тишину,
Зовёт из ада Люцифера,
Отчаянно смотрит на луну,
Непостижима волчья вера!

Вот только, лишь Метель седая,
Всё кружит заметая след,
Под нос злорадствуя бормочет:
- «Безумье ждать из тьмы ответ!

Очнись глупец! Твой крик пустое,
Луна! – Есть призрак на земле,
Не тешь иллюзией бесплодной,
Надежд в чудовищной душе!

Пусть тёмный рой твоих терзаний,
Химера пусть в тебе уснет,
Но новый день из чащи леса,
Покой бесценный принесет!».

Одначе Волк с надеждой в сердце,
Отчаянно смотрит на луну,
И разрывает жутким воем,
В лесу немую тишину.

К Дьяволу

Передайте дьяволу, пусть держится от меня
подальше, если хочет сохранить свои рога!

Что тебе вековые проклятья,
Слава, деньги, алчность и кровь,
Для тебя все это забава,
Ты во зле возрождаешься вновь.

Ты во огненном царстве Ада,
Лукаво зриаешь на мир,
За каждую новую душу,
Ведешь хороводы и пир.

Смеешься над глупым народам,
Сатану ничем не затмить;
В кровавых глазах лишь желание,
Веру, надежду убить.

Мефистофель! - панический ужас,
А тебе все нипочем;
Снова, и снова раскинуты сети,
И пылает смертный огонь.

Ты приходишь на зов моментально,
С кроткой щедростью, словно слуга,
Ах, Маргарита и Фауст,
Сущих два пустяка.

Ни свечи, ни ладан с молитвой,
Не уймет жадность твою,
Для всех уготовано место,
Безысходном и мрачном «раю».

Что тебе вековые проклятья,
Разврат и алчность людей,
Имя твое будто знамя,
Служит для грязных идей.

Антихрист

Какие думы и стремленья,
С хоров безбрежных, с облаков,
Твой разум бедный посещают,
В какой манят тебя альков?

Чем сущность ты свою питаешь,
Когда душа давно молчит,
Когда ничто в сем брэнном мире,
Отрадой мысль не теребит?

Ты словно Троя, во мраке ночи,
Утратил свой бесценный рай,
Иль брег разорванный весь в клочья,
Стрелой Зевса невзначай.

Влачишь зловеще торжествуя,
Бесцельно прожитую жизнь,
Тебе зарница отблеск ада,
И с Ним все помыслы слились.

Когда мороз и непогода

Когда мороз и непогода,
И люто мается метель,
Когда в селеньях смолкнет пастырь,
Закрыв в церквях надежно дверь,
На скорбь земли, на слезы света,
Пошли Господь орду свою -
Ворон крылатых, чёрну стаю,
Оплакать тех, кто не в раю.

Пошли Господь орду кручины,
Чей голос сокрушает мысль,
И кто презрев метели буйство,
Упрямо все ж, взмывает ввысь.
Кто кружит верно над крестами,
Где не скорбели мать, вдова,
Где имя самое забыто,
И не начерчены слова.

Где на равнинах сном блаженным,
Мужи уснули на века,
И на дорогах поселилась,
Печальной памяти тоска.
Пошли Господь наш Всемогуший,
Чтоб не забыть нам боль свою,
При созерцании черной стаи,
Молить за тех, кто пал в бою.

Но в дни весеннего цветенья,
Когда оттают лёд и снег,
Нет! Не спугни прекрасных трелей,
Что сердцем любит Человек.
Оставь их тем, кто не проснется,
Кто спит глубоким сном во тьме,
Кто корнем времени прикован,
К любимой Матушке – Земле.

tristitiam anima

ИЗ ЦИКЛА: СТИХИ В СТИЛЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В склепе, над храмом мечты моей,
Гнусавит она, забавы ради,
Молитвы “За упокой” читая мне, на шутовской манер.

Пурпурными цветами украшает,
Алтарь цариц небесных,
У врат, ведущих к раю.

И восхваляет Господа, в торжественных псалмах,
Врачуя над сердцами. И вводит монахов в заблуждение,
Бормочущих молитвы каждый час.

О, робко гладит волосы мои,
Скользя по косам,
Холодною, костлявою рукою.

Предательница!
Глумливая печаль, грызет мне душу.
Колит, словно бы копьем, в глаза кротко улыбаясь.

Куда ни шла бы я, и где бы ни была,
Она повсюду следует как тень,
Была бы ночь то, иль светлый, ясный день.

В царстве сна в покое вечном

В царстве сна, в покое вечном,
Среди мертвой тишины,
Голос слышен благозвучный,
Из крошечной темноты.
Голос старого поэта,
Одинокого певца,
Мог проникнуть бы вглубь сердца
Гордеца, и мудреца.

Но как летом не доходит
Солнца теплый, яркий свет,
До гробов уже истлевших,
В реке долгих, мрачных лет,
Так и пение пиита,
Не тревожит слух рабов,
Жизни светлой, ропот легкий,
И восторги, и любовь.

Разве пение не для счастья,
Ни для горести и слез?
Разве душеньку не тешут,
Струны сладких, нежных грез?
О, в груди ль не затрепещет,
Всеотзывчивый цветок,
На лету ловя поэта,
Драгоценный вольный слог?

Так зачем поешь ты старче,
Среди тех, кто слеп и глух,
Кто во тьме лишь различает,
Неминуемой смерти дух?
Разве можно ждать триумфа,
В царстве вечной тишины,
Где пока еще живые,
Жажды жизни лишены?

Серо пасмурно и птицы

Серо, пасмурно и птицы,
Не поют в лесу,
Я сегодня одиноко,
Крест свой понесу.

Журавлиных стай не видно,
Онемела высь,
Все застыло, все безмолвно,
Даже сама мысль.

Над рекою сонной тени,
Облаков плывут,
Одурманенные сосны,
Пробужденья ждут.

А в церквушке белой, белой,
Дьякон молодой,
Бренность мира омывает,
Горькою слезой.

Но сегодня одиноко,
Я свой крест несу,
В церкви белой, белой, белой,
Душеньку спасу.

Белая голубка

Солнце скудное, холодной мерою,
И на землю не глядит,
У груди голубка белая,
Плачет горько и молчит.

Плачет пташка, крыло ранено,
Всё чужое на земле,
Обагрилось, одурманилось,
Словно в очень страшном сне.

Небо серое, сиротливое,
Вдруг укуталось в туман,
Тишина кругом, безмолвие,
Слово доброе - обман.

Толи утро, но бездонное,
Толи вечер, не понять,
Только пташку с крылом раненым,
Забьтём мне не унять.

Воспоминание

Ты словно тень и днем, и ночью,
Воспоминание мое,
Живешь в моем усталом теле,
Печаль моя, и небытие.

О, ты! Бессмертное страданье,
О, тайна страждущей души!
Вы свет и мрак моей неволи,
Безумный вопль в глухой тиши.

О, где б шатер мой не раскрылся,
Мне не найти покой в ночи,
Крадетесь поступью холодной,
Что вам мерцание свечи?

Что вам бессонница и слезы,
Что трепет сердца?! Вы беда!
И никуда от вас не деться,
И не забыться никогда.

Вы, днем и ночью черной тенью,
Крадетесь демоны мои,
Мое бессмертное страданье,
О свет и мрак, моей тоски.

Ночное трио

Бледные руки, тонкие пальцы,
Нежно касаются клавиш рояля,
Плачет мелодия, слезы роняя,
В безмолвье ночном, под лунной вуалью.

Плачет витая, над городом спящим,
Оробелою тенью, скользит в тишине,
По улочкам старым, мостовым без прохожих,
Души людей, тревожа во сне.

В окна врываясь, печально коснется,
Тлеющих свеч, и в вазе цветы,
Словно недавно, терпкой печалью,
Были разбиты, голубые мечты.

Докучной мелодии, тайна сокрыта,
Под шалью туманных, и влажных ночей.
Но вот только сегодня, с роялю рыдали,
Безутешная скрипка, и виолончель.

Лютня

В углу далеком и забытом,
Давно без дела, вся в пыли,
Стояла лютня золотая,
Мечтая, чтоб ее нашли.

О, сколько звуков сладострастных,
Она таит в своей струне,
О, сколько песен бы прекрасных,
Она б напела в тишине.

Стоит красавица, и плачет,
В печали ждет искусных рук,
Никто ее не приголубит,
И не прижмет любовно грудь.

Порой и в нас забытых Богом,
Спит гений в страждущей душе,
Но мы молчим себя представив,
На упование судьбе.

Священник

"Никому и никогда не испытать чужую боль, каждому суждена своя."
Колин Маккалоу "Поющие в терновнике"

Вот возьми платочек, слезы оботри,
Нынче он ничейный, горько не реви,
Путь его тернистый, молитвой осенен,
Ключ от сердца Богом, будет сохранен.

Не реви глупышка, Храм его душа,
Верю хрустальной, доверху полна,
В келье монастырской, теплица свеча,
Не кори парнишку, девка сгоряча!

У вина Христова, свой особый вкус;
Чуть остынут чувства, и исчезнет грусть,
На заре с лучами подумаешь о нем,
Вспыхнешь благодарным, ласковым огнем.

Служение совершая, в священной тишине,
Прильнув к кресту устами, он вспомнит о тебе,
Весь вымок твой платочек, ну, будет, не реви,
Ведь он теперь священник, волею судьбы!

О Инок

Уж ночь свои сомкнула очи,
В безмолвной вышине,
А сонм ведений бродит, бродит,
Беспечно в тишине.

О, Инок! Встань и освети,
Сей сумрак роковой,
Пусть Божий дух воззрит на мир,
И сохранит покой.

О, песнопеньем озари,
Кромешный мрак ночи,
Все звезды хора возгоря,
Пламенем свечи.

И помолись за нас, рабов,
Чей тяжек путь земной,
За тех, кто молча крест несет,
Предвещенный судьбой.

Инок

Неугомонная метель,
Воет, мается седая,
Снег лохматый, ледяной,
Кружит тропы заметая.

А по тропам этим инок,
Вдаль неведому бредет,
На плечах своих несчастный,
Тяжкий крест судьбы несет.

Не клянет судьбу злодейку,
Сердце верою полно,
Нипочем морозец лютый,
Коль в душе живет тепло.

Тучи тяжкие нависли,
То ли ночь, да, то ли день,
По тебе ли инок бедный,
Воет матушка метель?

Рябина гроздьями склонилась. Романс

Рябина гроздьями склонилась,
Стучит печально мне в окно,
Мгновенья жизни мчатся, мчатся,
Судьбою все предрешено.
Печали радости проходят,
И не к чему возврата нет,
Лишь неизменным остается,
Рассвета нежный, влажный след.

Лишь неизменным остается,
Рассвета нежный, влажный след.

Цветет акация и вянет,
Сменяет осень зимний сон,
И всходит солнце, чтобы позже,
Луна вошла на небосклон.
Но я по-прежнему пылаю,
К тебе любовью неземной,
Иного счастья мне не надо,
Я очарована тобой.

Иного счастья мне не надо,
Я очарована тобой.

Рябина гроздьями склонилась,
Стучит печально мне в окно,
Бокал тоскою терпкой полон,
Я жду тебя давным-давно.
Дороги лентой вдаль уходят,
Там колокольчики звенят,
И кони резвые с тобою,
Ко мне касатики летят.

И кони резвые с тобою,
Ко мне касатики летят.

Ко мне касатики летят.

Впечатления Где Ула роится мирно

Вот и узрела вас я снова
(Незабываемой красоты)
Кавказа дикую природу -
Долины, горы и хребты.
И вас народ, в простом величье
Гостеприимных от души,
И безыскусных горских нравов,
К свободе полные любви.

Но где Ула роится мирно
Татарин повстречался мне,
Взор, словно вериги накинул;
Таких, встречала я во сне.
Он думы все мои похитил
И сердце к сердцу приковал,
Маня с собой бродить по свету,
Средь диких рек и вечных скал.

Пройдут года и канут в Лето
Воспоминания оных дней,
Так забывается бывшее, быть может все,
Опричь страстей.
Однажды звуки райской песни
Взволнуют дух мой невзначай
И вдруг, с агонией проснутся
Тоска, раскаяние, печаль.

10 апреля 16 год. Ставрополье

Впечатления Башня на скале

Ты видел ли башню на скалистом утесе,
Где в сиянье лазури плывут облака?

О, видел я башню во тьме Абаддона,
Там в долине угрюмо роилась река.

И ветер летучий по ущелью метался
То жалобно плакал, то выл будто волк.

Но видел ли ты, деву в той башне
Прекрасную, словно весенний цветок?!

Увы, видел я деву в потоке угрюмом;
Безжизненный, волны, несли лепесток.

26 апреля 16 год

Впечатления Долите

Есть темный лес в горах Кавказа
Мне доводилось в нем бывать,
Когда уставшая от света
Хотела цепи разорвать.

Там Терек катится в ущелье
С вершин покрытых вечным льдом,
Но Дух Долите, в мгле холодной
Манит в глубокий вечный сон.

И шепчет ласково на ушко,
Что невозможно устоять: -
«Позволь тебя в свои объятья
Со всею нежностью принять!»

И тем не менее, с каждым разом
Я находила путь домой,
Избегнув смертные объятья
И шепот песни роковой.

Сама не знаю, что так сердце
Влечет в дремучий, темный лес;
Быть может, тайных дум стремленье...
Быть может дух, с глубин небес.

В бессоннице опять Луна томиться

В бессоннице опять Луна томиться,
Не в силах забыться в полусне,
В истомной неге, грудь свою ласкает,
Изнемогая в щемящей тишине.

Покоясь, среди перин туманных,
Беспмятно в них погружена;
На одиночество, и вечное скитанье,
Богами, увы, осуждена.

Бродить, сквозь призрачные тени,
Волнуя реки и моря,
Бродить, пока огнём не вспыхнет,
Счастливая, беспечная Заря.

Но может быть, когда, как жемчуг слезы,
Обронит, во мрак её душа,
Запечатлеет тоску сию художник,
Безмолвно страдая у окна.

Запечатлеет красою вдохновенный,
Чуть бледный, янтарно - нежный свет,
Сиянье радуги, похищенное Солнцем,
Округлости груди, весьма неясный след.

Пан

Там где леса, резные изумруды,
Сквозь арабески золотом горят,
Тугие стебли трав и кипарисы,
Красой и тишиной к себе манят,
В прохладе грота, спрятавшись от зноя,
На флейте, играл веселый Пан,
Воздев глаза шафранового цвета,
Свой слух, звучаньем ублажал.

Но вот с улыбкой, багряными губами,
Вкусил он роз, прекрасных, лепестки,
Как будто бы испив вина, блаженный!
Вдруг, возымел желание к любви.
Вскочив проворно, словно бы куница,
Он звонким хохотом встревожил тихий лес,
И тотчас, где - то в густой чаще,
Среди листвы, немедленно исчез.

Рождение Венеры

Словно с усыпальницы, из раковины устрицы,
Кокетливо – медлительно, скользнула голова,
С рыжими, завитыми, шелковыми кудрями,
О, дивными, как солнце, звезды и луна!

Но вот за ней все так же, божественно - изящно,
Вдруг появилась шея, плеч нагих волна,
Волшебные округлости налитых, спелых ягод,
Ввысь устремились бедер широких крутизна.

Блестящее творение, мужского эгоизма,
На великолепье тела наложена печать -
Бутон бесценной розы, для страстных наслаждений,
Сие возможно только, мужу воссоздать!

Все страдания мои были напрасны

Все страдания мои были напрасны,
Но огонь мою плоть без остатка вбирал,
Порой, по ночам истязая жестоко,
С дрожью смерти в груди, рыдать заставлял.

На гребнях вершин заснеженных болью,
Окутывал тьмой, низвергая мысль в ад,
Я все так же люблю тебя, без обязательств,
Не требуя больше, чем ты мог бы дать!

Солнечный свет ласкающий землю,
Души моей горестной дарит тепло,
Рок ли жестокий, провидение Божье,
Мое сердце твоим, стало давно.

Голос прежних волнений витает над садом,
Где пламя готово с новой силой гореть,
Погубившее некогда цветущие розы,
На границе мечты, заставив их тлеть.

Месяц сияющий в лугах небосвода,
Не достоин моих трепетных чувств,
Я же твоею стала навечно,
Не свершая по жизни больших безумств.

Хочешь, возьми меня до капли последней,
Лишь руку сквозь солнечный свет протяни,
Или стрелки часов застывших недвижно,
Навеки назад, не скорбя поверни!

Из цикла Гавайская страсть Гавайский мачо

Кем создан ты гавайский мачо,
Туземным Фаустом самим?
Исчадь пылкое саванны
И Гонолулу херувим.
Сигарный дым и фимиамы;
Ночей безбрежных идеал,
Мой демон нежный и прекрасный
О, скольких женщин ты ласкал?

Кто изваял тебя из мрака?
Твои бездонные глаза
Влекут меня как к водопою,
Но на душе царит тоска.
Ни хмель, ни опиум мускатный
Ни в силах жажду утолить,
И я горю, горю желаньем
Твою любовь до дна испить.

О, заключи меня в объятья,
В аду со мной дотла сгори,
Порочной страсти вождельенье
Огонь безумный потуши!
Или избавь нас от проклятья;
Добавь в мохито яд со льдом
И прикажи остыть, забыться,
Заснуть навечно горьким сном.

Всё по ветру развеялось Разметалось осеннее

Как много не сказано,
Небесно - прозрачного,
Нежного, доброго,
Как солнышко ясного.

Как много забыто,
Что душу согрело бы,
Что откликом в сердце,
Надежду воспело бы.

Но помнятся слезы,
Печаль беспросветная,
Взгляды немые,
Глаз недоверчивых.

Всё по ветру развеялось,
Разметалось осеннее,
Одиноко с тобой,
Мы живем не во времени.

